

Металлическая дорожка плавно скользила вперед, избавляя от необходимости идти пешком. Возле изящных статуй и строений, прямо под слоем земли, на которой росли декоративные цветы, порой открывалось потрясающее зрелище. Из-под бурой почвы проглядывал холодный металлический блеск. Сквозь стеклянные плиты, лишь изредка очищенные от земли, можно было рассмотреть раскинувшийся внизу залитый ярким светом подземный мегаполис — точь-в-точь такой же, как тот подводный город, в котором Хань Цзин побывал совсем недавно.

Хань Цзин окончательно запутался. Он уже не понимал, ступает ли по тверди знакомой планеты или находится на борту колоссального механизма.

На пути ему попало несколько упрощенных модификаций Звёздных врат, но ни одна из них не походила на те самые — древние, глубокого иссиня-черного цвета. Возле этих серебристо-серых арок парили голографические экраны, на которых мерцали чуждые символы.

Глядя на то, как существа иных рас то и дело растворяются во вспышках лазурного сияния, Хань Цзин невольно задумался. Что, если эти экраны — своего рода указатели? Быть может, каждые врата ведут в строго определенное место? Но это предположение в корне противоречило его собственным расчетам, которые он сделал на Базе № 9.

Хань Цзин погрузился в размышления. Но предаваться им долго ему не дали — шедший впереди конвоир холодно окликнул его.

Слов он не разобрал, но его бесцеремонно толкнули прямо в зев Звёздных врат, чье силовое поле бурлило, точно кипящая морская вода.

Ослепительная синяя вспышка угасла в мгновение ока. Хань Цзин глубоко вдохнул прохладный воздух. Перед ним высился величественный замок. Дорога к нему, вымощенная плитами из белого, похожего на нефрит камня, терялась среди благоухающих садов. В лунном свете дорожки казались таинственными и призрачными.

Неподалеку раскинулось глубокое искусственное озеро с кристально чистой синей водой. На плоском валуне посреди этого водоема грелся... тритон? Существо с длинными золотыми волосами лениво покачивало серебристым рыбьим хвостом.

Хань Цзин застыл как вкопанный и замедлил шаг, украдкой разглядывая диковинное создание. К сожалению, лица тритона было не разобрать: тот то погружался в темные воды озера, то вновь выныривал, изящно взбираясь на облюбованный камень.

Сиан давно заметил, что пленник то и дело косится на озеро. Удивительно, но на сей раз он не

стал проявлять привычную жестокость и даже несколько раз осадил порывавшегося применить силу Таня. Лишь когда они ступили на широкие ступени из белого нефрита, ведущие во внутренние покои, Сиан резко и холодно прикрикнул на Хань Цзина.

Сердце Хань Цзина болезненно сжалось. Он поспешно опустил голову. Под ногами расстился мягкий, густой ковер, из-под которого виднелись плиты пола, вырезанные из редчайшего розового нефрита. Они вошли в просторный, ослепительно роскошный зал. Навстречу им вышли несколько инопланетных вельмож в богато украшенных тогах римского покроя. К сожалению, Хань Цзин не смел поднять глаз и мог лишь украдкой следить за ними из-под ресниц.

Он собирался лишь мимоходом осмотреться, как вдруг взгляд его наткнулся на знакомый силуэт. словно вспышка молнии пронзила его сознание. Позабыв об опасности, презрев саму смерть, Хань Цзин резко вскинул голову. Он широко распахнул глаза, неотрывно глядя на эту стройную, до боли знакомую фигуру, о которой он грезил каждый миг своего плена. Он замер, не в силах пошевелиться.

Морис стоял посреди зала — величественный, изящный. Белоснежная тога выгодно подчеркивала его бледную кожу. От воротника к правому плечу тянулась сложнейшая золотая вышивка, а на груди сияло массивное драгоценное украшение. Лицо его не выражало никаких эмоций. Длинные золотистые волосы струились по плечам подобно чистейшему шелку, а холодные, пронзительно-синие сапфировые глаза излучали такое величие и неприступность, что казалось, перед ними предстал сам бог.

Беседуя с местными аристократами, Морис внезапно почувствовал на себе чей-то жгучий взгляд. Это ощущение было настолько знакомым, что он мгновенно обернулся.

Их разделяли десятки метров. Лицо Хань Цзина было изувечено ранами, покрыто грязью и запекшейся кровью, но Морису хватило единственного мгновения, чтобы узнать его.

Морис мгновенно утратил былую ледяную невозмутимость. Он стремительно сошел с возвышения и бережно, но крепко обхватил ладонями израненное лицо Хань Цзина.

Хань Цзин вздрогнул. Его первым порывом было отпрянуть, спрятаться — он отчаянно не хотел, чтобы любимый видел его уродливые шрамы. Но Морис держал его на удивление крепко, хотя пальцы его при этом заметно дрожали.

— Кто это сделал?! — Голос Мориса, вибрирующий от сдерживаемой ярости, прозвучал мертвенно-холодно. Он устремил ледяной, острый как клинок взгляд на возвышающегося над залом графа. — Сивис?!

Лицо Сивиса мгновенно побледнело. Он перевел свирепый взор на стоящего внизу Сиана и взревел:

— Кто посмел?! Сиан?!

Сиан с грохотом рухнул на колени. От его былой спеси и хладнокровия, которые так врезались в память Хань Цзина, не осталось и следа.

— Это... Тань, — выдавил он дрожащим голосом.

Звонкая пощечина эхом разнеслась под высокими сводами. Лицо Мориса казалось высеченным из льда. На глазах у всех присутствующих инопланетных лордов он, не колеблясь ни секунды, наотмашь ударил Таня, на которого указал Сиан.

В ушах у Таня зазвенело. Разум его затопило такое же хаотичное, удушающее бешенство. Он прижал ладонь к разбитому углу рта; его лицо исказилось не столько от жгучей физической боли, сколько от невыносимого, дикого унижения.

«Меня... Меня ударили по лицу при всех?! Из-за какого-то паршивого, ничтожного наторса?!»

Тань не верил собственным глазам. Но стоило ему поднять голову и встретиться взглядом со своим обидчиком, как вся его ярость испарилась без следа. На смену гневу пришел первобытный, сковывающий ужас, и лицо его мгновенно побелело.

Сивис не смел даже дышать. Тем временем из-за спины Мориса неторопливо выступил еще один мужчина. На нем была такая же парадная тога, а на груди красовалось золотое ювелирное украшение. Необыкновенные нежно-лиловые волосы, напоминавшие предзакатные сумерки, оттеняли его безупречную кожу цвета слоновой кости. Глаза его с двойными зрачками отливали холодным изумрудно-зеленым блеском, напоминая застывшие кристаллы льда.

Подойдя к Морису, он с нескрываемым брезгливым безразличием окинул взглядом изувеченного наторса. Ему было решительно непонятно, почему Морис продолжает сжимать руки этого ничтожества, позоря себя перед собранием.

— Морис? Ты поднял руку на майянца? И ради кого — ради этого грязного наторса? — Голос Фрейра прозвучал ровно и бесстрастно, хотя в нем угадывалось легкое недовольство.

Морис прекрасно понимал, в каком уязвимом положении сейчас находился, и что ему следовало немедленно отпустить пленника. Но он просто не мог этого сделать. Глядя на обезображенное лицо Хань Цзина, он чувствовал, как тупая, невыносимая боль тисками сжимала его собственное сердце. Он судорожно перехватил ладонь Хань Цзина, сжав ее с такой силой, что побелели кончики его собственных пальцев.

— Он — мой личный слуга, которого я выбрал сам. Так скажи мне, имел ли я право проучить этого презренного майянца? — Морис ответил жестко, резко повернувшись к Фрейру. Его

сапфировые глаза полыхнули ледяным вызовом.

Фрейр едва заметно нахмурился. Судьба какого-то майянца его не заботила, однако с новым коллегой, который только что доказал свою преданность Руны, но еще не был официально утвержден в сане Божественного посланника, ссориться не хотелось.

«Этот Морис словно чистый лист — ничего не помнит. Когда Сивис доставил его в Святилище, мы лишь хотели выяснить, кто он такой и как связан с Изгоями. Кто же мог знать, что сама Вторая Руна признает его? Тот золотой столп света... Ничего подобного в жизни видеть не доводилось. Оказаться столь ревностным Гермидом... И при этом лишиться памяти? Впрочем, кто посмеет оспорить волю Всемогущей священной Руны? Ее решения священны и не подлежат сомнению».

Фрейр пристально взгляделся в загадочное лицо Мориса и медленно произнес:

— Он из расы наторсов, Морис. Согласно заветам Руны, наторсы — грешники, искупающие вину прошлых жизней. Это самая грязная, презренная каста из всех существующих. Он недостоин быть твоим слугой.

— Грешники прошлых жизней, искупающие вину? — ледяным эхом отозвался Морис.

Его поразило то, как устроен этот далекий мир. Их цивилизация ушла далеко вперед, оставив человечество далеко позади, и полностью опровергла все земные научные теории. Люди верили, что с развитием прогресса технологии станут единственной доминантой общества. Здесь же, при недостижимом для человеческого разума уровне развития науки, всем заправляла жестокая теократия. Высочайшие технологии покорно служили религиозной догме, а кастовое разделение и ксенофобия были куда более свирепыми, чем любые проявления расизма в истории Земли.

— Всемогущая священная Руна создала нас, наделила наше существование смыслом, она взирает на каждую расу во вселенной и ведет нас к познанию истинного величия космоса, — Морис заговорил строками из священного канона, который заставили его зазубрить совсем недавно. Он по-прежнему крепко держал Хань Цзина за руку. — Но если Руна даровала жизнь каждому созданию, то и у наторсов есть свое предназначение. Каждому предначертан шанс познать ее благословение.

— Как посланник Руны, вершащий ее волю на этой земле, я желаю дать этому наторсу шанс искупления. Позволь ему стать моим слугой. Верю, что под моим началом он узрит свет истины и однажды сможет превзойти даже высокородных террантов!

Морис не знал, насколько убедительно звучит его импровизация, но он искусно переплетал земные религиозные догмы со здешними понятиями, стремясь авторитетом Руны сокрушить упрямство Фрейра.

«Существует ли эта Руна на самом деле? Вздор. В космосе нет богов. Те, кого здесь почитают как божеств, наверняка лишь очередная высокоразвитая раса вроде атлантов».

В глазах Фрейра сверкнуло яростное пламя. Возможность стать слугой Божественного посланника была величайшей милостью, о которой мечтал любой житель этого мира. Но Морис упорствовал в своем желании приблизить к себе самого грязного, отверженного наторса! Фрейр чувствовал себя глубоко оскорбленным.

Атмосфера в зале мгновенно накалилась, тяжелая, звенящая тишина воцарилась под сводами дворца.

Сивис поспешил разрядить обстановку:

— Тань! На планете Uiwc как раз требуется надзиратель. Я отправляю тебя туда немедленно!

— На Uiwc?! — Тань мертвенно побледнел. Эта безжизненная, иссушенная пустыня была сущим адом. Подобное назначение мало чем отличалось от пожизненной ссылки.

— Отслужишь надзирателем один год, а по возвращении я лично подпишу указ о твоём повышении, — отрезал Сивис.

Граф преследовал собственные цели. Он должен был угодить обоим посланникам, особенно Морису. Сивис своими глазами видел, как великая Руна приняла землянина. Сияние той чистейшей веры было сродни древнему чуду. Граф прекрасно понимал: влияние Мориса очень скоро выйдет далеко за пределы планеты Нордик. Не пройдет и года, как он возвысится и перейдет в мир Террант — обитель высших каст, приближенную к самой Руне.

Сивис не желал портить отношения с Морисом, рассчитывая в будущем извлечь из этой дружбы немалую выгоду. Фрейр, взвесив все за и против, пришел к схожим выводам.

Хань Цзин, одетый в грязные лохмотья, растерянно переминался с ноги на ногу. Он понимал каждое слово Мориса — тот говорил на их родном, человеческом языке, — однако речь инопланетян оставалась для него набором нечленораздельных звуков. Как Морису удавалось беспрепятственно общаться с ними? Почему сам Хань Цзин не мог разобрать ни слова?

Он порывался заговорить, но Морис слегка сжал его пальцы, безмолвно приказывая молчать. Хань Цзин послушно проглотил вертевшие на языке расспросы.

«Значит, я теперь наторс? Презренная тварь в глазах этого мира? Неужели я настолько жалок, что Морису приходится с боем выбивать для меня право стать обычным слугой?»

Хань Цзин отрешенно скользил взглядом по утонченным чертам лица Мориса, напоминавшим ледяную скульптуру. Даже среди этих высокомерных инопланетных господ генерал не утратил

своего величия и благородства. А он сам... Столь беззащитный, изувеченный, грязный... Он ведь клялся защитить Мориса во что бы то ни стало. А в итоге Морис защищает его.

Горькая, ядовитая ирония обожгла душу. Разум Хань Цзина застилал туман, он почти не слышал, о чем холодно спорили господа. Кажется, речь шла о планете Uīws...

Наконец Морис отпустил его руку. Ощущение пустоты и холода в ладони в точности отражало то, что творилось у Хань Цзина внутри.

Раны на щеке нестерпимо горели. Хань Цзин осторожно прикоснулся к лицу, и пальцы тут же окрасились алой кровью. Он опустил взгляд на свою короткую лазурную тунiku: правый бок был разорван до самого бедра. Эта сквозящая нагота заставляла его чувствовать себя выставленным на показ, жалким. Душу затапливало глубокое, липкое чувство неполноценности.

Он безумно, до крика скучал по Морису. Но теперь, представ перед ним в столь убогом, омерзительном виде, Хань Цзин чувствовал лишь невыносимую горечь.

Он нахмурился и отвернулся. Вскоре они покинули роскошный замок. Проходя мимо искусственного озера, Хань Цзин скользнул взглядом по золотистому тритону, все так же сидевшему на огромном валуне. Даже яркий лунный свет в глазах Хань Цзина померк, став холодным и безжизненным.

Они вновь прошли сквозь Звёздные врата. Выйдя с другой стороны, Хань Цзин оказался в мягком золотистом мареве. Прямо перед ними, паря в облаках, высился неземной красоты небесный чертог.

Хань Цзина переполняли противоречивые чувства. Даже эта величественная обитель, сошедшая со страниц древних легенд, не смогла растопить лед в его груди.

Как презренный слуга, Хань Цзин брел далеко позади, поднимаясь по бесконечной каменной лестнице. Тот, кто занимал все его мысли, шел впереди. В лунном сиянии и золотистой дымке длинные волосы Мориса и его безупречная кожа мерцали мягким призрачным светом. Он казался недостижимым, святым созданием, к которому смертным запрещено даже прикасаться.

Хань Цзин послушно мерил шагами бесконечные ступени, глядя в спину Морису... Эта лестница казалась бесконечной, длиной в целую жизнь. И он больше не знал, сможет ли когда-нибудь снова коснуться руки любимого.

В памяти всплывали крупинки их совместного прошлого. Они шли сквозь бесконечные анфилады залов, мимо тяжелых шелковых портьер, сворачивая в бесконечные извилистые галереи, словно блуждали по лабиринту, разделявшему их сердца.

— Хань Цзин?

Наконец они достигли личной обители Мориса. Этот великолепный дворец в Святилище пустовал — кроме них двоих, здесь жили лишь Фрейр и несколько слуг. Увлёкши Хань Цзина в глубь своих покоев и убедившись, что их никто не потревожит, Морис резко повернулся и вновь сжал его ладони в своих.

— Что с тобой? Хань Цзин... — Морис осторожно протянул дрожащую руку и бережно отер свежую кровь с его изувеченной щеки.

Глядя в некогда теплые, ласковые глаза Хань Цзина, которые теперь казались бездонными колодцами пустоты, Морис почувствовал, как острая боль пронзила его грудь.

— Я найду способ вылечить тебя... Обещаю.

— Пожалуйста, не бойся ничего, Хань Цзин...

Морис бережно проводил пальцами по ранам Хань Цзина, шепча слова утешения так ласково, как никогда прежде. Но Хань Цзин молчал. В его взгляде промелькнула искра осознания, но он по-прежнему оставался отстраненным и холодным.

Морис старался сохранять маску бесстрастия, но в глубине его зрачков заплескала паника. Неизвестное доселе, мучительное чувство тисками сжимало грудь, выжигая клеймо на самом сердце.

Пройдя через горнило смерти, Морис наконец осознал, кем для него стал этот человек. Сильное, всепоглощающее чувство, которое он годами подавлял в самых темных уголках души, вырвалось на свободу, затапливая все его существо.

Но теперь, когда он все понял и был готов до конца бороться за их близость, Хань Цзин, казалось, добровольно разжимал пальцы и отдалялся.

Морисом овладела непривычная, пугающая слабость. Он никогда в жизни никого не любил, и теперь, когда это чувство захлестнуло его без остатка, он чувствовал себя совершенно беспомощным. Не зная, что делать, он лишь прижался ближе к Хань Цзину. Он всматривался в его израненное лицо, и его сапфировые глаза подернулись влажной, точно осенний туман, дымкой.

Потеряв контроль над собой, Морис прильнул к губам Хань Цзина. Он судорожно сжал плечи любимого, вовлекая его в этот поцелуй — неумелый, робкий, но полный отчаянной страсти. От неожиданности Хань Цзин на мгновение забыл, как дышать.